

УДК 001.891.572 : 325.4(571)(091)

Барбенко Я.А.

Возможности использования институционального подхода в исследовании управления переселением в Приамурье в период русской колонизации

The possibilities of using the institutional approach in the study of resettlement management in the Amur region in the period of Russian colonization

Рассматриваются возможности использования институционального подхода для исследования элементов колонизационной политики как взаимодействия власти и общества. Анализируется система понятий, лежащая в основе данного подхода, раскрывается содержание используемых понятий, даётся классификация институций, пригодная для целей исследования.

Ключевые слова: *колонизация, управление переселением, институция, институт, Приамурье, Дальний Восток России*

The paper examines possibilities of using the institutional approach to study the elements of colonization policy as the interaction of government and society. The author analyzes the system of concepts underlying this approach, reveals the content of the concepts and proposes a classification of institutions suitable for research purposes.

Key words: *colonization, resettlement management, institution, Amur region, Russian Far East*

Современный исследователь русского переселения на Дальний Восток, и в Приамурье в частности, в поиске опыта интерпретации колонизационного и переселенческого движения не будет поражён обилием подходов и точек зрения. В вопросах исследования и научного осмысления переселения на Дальний Восток в отечественной традиции последнее слово до сих пор остаётся за марксистским подходом, современные исследователи данного вопроса либо следуют «линии партии», либо уклоняются от обобщений, оставаясь на уровне эмпирических обобщений. Альтернативой являются, пожалуй, подходы дореволюционного времени, особенности которых коренятся, как правило, в первичном характере разработки вопросов переселения: дореволюционные авторы были свидетелями описываемой и изучаемой реальности. Вместе с тем, теоретическая значимость этих работ признаётся и сегодня [1, с. 13]. Об-

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: prohist@narod.ru

Статья подготовлена при поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2011 годы)» на 2011 год, проект 2.1.3/10102.

зор исследовательских традиций в области изучения переселения см., например, в [10; 18, с. 9-15].

Данная работа посвящена попытке освещения элементов институционального подхода в проблемном поле исследования управления переселением. Институциональный подход, в большей степени нежели упомянутые выше, позволяет операционализировать используемые понятия, обладает развитым терминологическим аппаратом. Используемый подход предполагает подробный анализ функций, ролей и статусов переселенцев, градацию их, а затем поиск их взаимной связи; это достигается путём использования инструментов институции, организации, института и органа (подробный анализ этих явлений см. в работах О.В. Иншакова [12; 22]). Их можно интерпретировать как средства управления переселением, находящиеся в распоряжении субъекта управления – государства в лице органов центрального и местного управления¹. Содержание средств управления, это права объекта управления – переселенцев, или акторов переселения.

Под управлением переселением будем понимать деятельность органов центральной и местной власти по организации переселения на Дальний Восток, в частности, – регулирование наборов прав и обязанностей, присущих каждой роли в рамках переселенчества, а значит и регулирование специфическими «переселенческими» функциями, закрепляемых за ролями. К функциям управления переселением следует отнести а) формулирование/ переформулирование наборов прав и обязанностей, б) наделение/ лишение акторов наборами прав и обязанностей, в) наблюдение за правильностью использования акторами положенных им наборов прав и обязанностей. При этом следует различать косвенное управление как формулирование прав и обязанностей (преимущественно функции «а») и прямое как наделение правами и обязанностями и наблюдение за правильностью их использования (преимущественно функции «б» и «в»). Смыслообразующей категорией подхода является институт, институт переселения. Он связывает нижележащие (как относительно простые) реальности – функции, роли социальных акторов («переселенцев»), сходящиеся в институциях и организации переселения, и вышележащие – управление переселением, колонизация региона.

В соответствии со взглядами О.В. Иншакова, «институции – социальные формы типизации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия» [12, с. 44]. Исходя из этого, логическая модель исследуемой реальности выглядит следующим образом: типизированные функции социального актора → институция → роли и статусы социального актора. Таким образом, субъект управления переселением посредством институции назначает акторами роли и статусы в соответствии с выполняемыми ими функциями. Существующие роли и статусы при поддержке соответствующей им институции структурируются в организацию, то есть в «социальные формы связей между хозяйственными субъектами в процессе производства» [12, с. 44]. Организация, по-видимому путём выстраивания взаимных связей ролей и статусов, ранжирует их².

¹ Признание самостоятельности местного самоуправления от государства ничего в представленной схеме не меняет.

² Я представляю институции и организацию как последовательно действующие «фильтры» функций, ролей и статусов индивидов, однако сам О.В. Иншаков, судя по всему, думает иначе – институции и организации связаны горизонтально, они совместно «обрабатывают» функции и др. и в общей связи порождают институт либо орган. Однако трудно представить горизонтальные связи институций и организации, поскольку «элементарная структура общества» (термин Иншакова) опирается на роли и статусы, а те

Следующая ступень развития и обобщения функций социальных акторов – институт, являющийся «организованной функцией» [12, с. 44]. Институт есть способ обобщения социальной практики [14, с. 88] и одновременно – способ её специализации, когда функционально близкие роли и статусы образуют устойчивые нормативные образования [3, с. 248], относящиеся к той или иной сфере общественной жизни; в нашем случае это переселение. Высшая степень социализации явления, это складывание его органа. «Орган предстает как структурированная институция, обеспечивающая функционирование и развитие организации» [12, с. 44]; функция органа – рационализация и уточнение ролей и статусов, в некотором смысле орган есть самосознание институции, её управляющая структура.

Исходя из вышесказанного, значимым элементом исследования является реконструкция функций акторов, задействованных в переселенческом деле. Функции акторов переселения являются ответом на задачи, стоящие, например, перед русской колонизацией Приамурья. Акторы переселения есть материал для решения колонизационных задач, их функции – средство решения. Институции, организация, институты, органы переселения – инструменты и методы решения задач колонизации.

Функции переселенцев. Исходной точкой рассуждений являются функции переселенцев, то есть реализация их свойств. Представление о функции включает два аспекта: «1) деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, которой он принадлежит; 2) вид связи между объектами, когда изменение одного из них влечет изменение другого» [15, с. 783]. Каждый из этих аспектов может быть отражён в представляемом подходе, если за критерий формулирования и выделения разновидностей функций взять стабильность и целенаправленность деятельности акторов и связей между ними и объектом их трудов (а также и системой управления). Избранный критерий позволяет выделить три вида функций переселенцев:

А) обязанность, подразумевающая отсутствие у переселенцев прав изменения своих занятий в результате переселения. В качестве примера можно привести служащих, гражданских и военных¹. Это наиболее стабильный и предсказуемый элемент переселения, но одновременно и маргинальный в силу низкой переселенческой мотивированности: большинство служащих не стремились закрепиться на местах службы и в пределе к переселенцам отнесены быть не могут. Помимо служащих обязанность реализуют заключённые и ссыльные, отбывающие срок наказания на приамурских территориях; степень маргинальности этой разновидности обязанных переселенцев ещё более высока²;

Б) целевой характер, подразумевающий сохранение мигрантами своих занятий в результате переселения и водворения³. Эта функция

– результат институирования функций; опять-таки мы сталкиваемся с последовательностью, то есть с иерархией!

¹ Начальное занятие, или «оккупация» [13, с. 197-198] Приамурского края военными проходило в условиях Крымской войны, что позволяет исследователям определять первый период русской колонизации как «военную» [8, с. 159] или «принудительного водворения» [20, 41].

² Свидетельством этого является, например приказ по Дальстрою от 17 октября 1935 г., в котором было объявлено об обязательном закреплении «лагерных колонистов» (заключённых исправительно-трудовых лагерей, получивших право проживания в специальных посёлках со своими семьями) в крае на срок не менее трёх лет по отбытию наказания [21, с. 144].

³ Хорошим примером целевых переселенцев являются крестьяне-казённые переселенцы начала 80-х годов XIX в.: они исправно пользовались льготами, не оставляли сво-

описывает тех, кто не нарушает (хотя бы и условный) контракт переселения. Целевые переселенцы – это стабильный, предсказуемый элемент, в силу этих качеств являющийся опорой власти на осваиваемых территориях;

В) нецелевой характер, подразумевающий свободу смены занятий переселенцев в результате переселения и водворения¹. Эта функция описывает тех, кто постоянно меняет свои занятия в период пребывания в положении переселенца. Нецелевые переселенцы – нестабильный, непредсказуемый и трудноуправляемый элемент переселения.

Что позволяет обязанное, целевое и нецелевое состояние переселенцев обозначить их функцией? Первый аспект функции – деятельность, роль. Перечисление всех видов деятельности и всех фактических ролей переселенцев на этих страницах невозможно. Однако уже сейчас можно сказать, что ролевая и профессиональная стабильность переселенцев, особенно когда речь идёт об управляемом и планируемом переселении, имеет значение не только для управления, но и для развития самого колонизируемого региона – его хозяйства и иных форм организации.

Второй аспект функции – вид связи. С одной стороны, данные состояния порождают следствия (указанные выше), которые есть функции этих состояний. С другой стороны, состояния сами есть функции, поскольку являются результатом присутствия на заселяемой территории власти, имеющей а) интересы стабильности территории, б) планы развития территорий, в которых переселенцы играют роль, и для власти имеет значение, сможет ли она опираться в планах развития на определённую категорию переселенцев или придётся надеяться на то, что всё обойдётся и люди, требуемые для реализации планов, найдутся сами собой. Получается, что само наличие активной власти, имеющей планы развития территорий, функционализирует обязанное, целевое и нецелевое состояние переселенцев².

Итак, критерий выделения разновидностей функций переселенцев – это субъективная стабильность в их отношении к перспективам пребывания на местах вселения (и значит – степень управляемости переселенцев со стороны), а также планы субъекта управления переселением. Помимо представленных, общих функций переселения, в рамках исследования конкретной реальности следует определить и частные функции переселенцев, возможно в чём-то перекликающиеся с их ролями. Особенно это возможно для вольного переселения, то есть неконцептуализованного – в отличие от государственного.

Институции переселения. «Институции – социальные формы типизации функций хозяйственных субъектов, определяющие их статусы и роли в системе производства общественного бытия» [12, с. 44], что означает – институции есть факт закрепления функций акторов, придающий им смысл в рамках взаимодействия. Институционализация означает «введение в статус, она есть фактор и процесс создания и закрепления статуса каждого человека» [22, с. 61]. Содержанием институционализации являются деперсонализация («обобществление»), уточнение (избавление от «лишних» функций или иерархизация, если их несколько) и легитимация

их сельскохозяйственных занятий, хотя и оказались менее эффективными колонизаторами, чем вольные крестьяне-переселенцы [4].

¹ Так, большую часть рабочих в начале XX века составляли неквалифицированные и малоквалифицированные кадры [6, с. 133-134].

² Царской России не было свойственно планирование развития территорий, для Дальнего Востока наиболее масштабным мероприятием, связанным с изучением перспектив развития была Амурская экспедиция 1910 года [9, с. 26]. В советское время, с середины 20-х годов, в Дальне-Восточной области разворачивается планирование колонизационных мероприятий [5].

функций [17, с. 31] как институций-нормативов, социально значимых в контексте переселения. Этот процесс имеет два варианта: хабиитуализацию и кодификацию – они соответственно реализуются в неформальных и формальных статусно-ролевых наборах.

Субстанция институции – норма, стихийно складывающаяся или концептуально разрабатываемая и находящая своё выражение в тексте закона или подзаконного акта – не важно. Неформальные институции могут быть выявлены путём реконструкции, то есть анализа конкретных практик переселенцев, ориентированных на некое правило, сформулированное или нет – не важно. Формальные институции отражены в нормах – законах о переселении, инструкциях переселенческим организациям и др.

Следующая пространная цитата разъясняет положение институции, указывая на то, что институция проявляется в своих следствиях – статусах и ролях, именно по ним главным образом можно судить об институциях: «Институции, присваивая своим агентам постоянные статусы как особым действующим лицам с закрепленными типическими «надындивидуальными» качествами, обуславливают их общественную ценность для исторически конкретных условий жизни. Агенты институций в быту легко определяются, отождествляются и различаются через их состояние, чин, звание, которые поддерживаются специфическими механизмами обращения, чествования, общения и т. д., свойственными определенным социальным типам субъектов. Институции формируют власть и авторитет, определяют достоинство и важность людей» [22, с. 70]. Таким образом, в исследовании институций присутствует акцент с одной стороны на норму, а с другой – на её проявления, роли и статусы, особенно, когда норма не формализована и наблюдается только в поведении людей!

Использование идеи формальных и неформальных институций ставит проблему их классификации. Базовый приём классификации институтов – отнесение их к признаку, выступающему основанием классификации. Таких оснований можно выделить три, они описывают институцию с точки зрения а) отношения к государству, б) места происхождения, в) формализованности. Это позволяет учесть специфику времени, места, учесть особенности государственной политики в отношении данной территории. Выстраивая далее схему институций, получаем следующую градацию их форм:

Основание А – отношение к государству, или источник институции: государство или общество, первая пара – А1 официальная / А2 неофициальная;

Основание Б – место происхождения институции, была ли она завезена из центра или возникла или изменилась на месте, в колонизируемом районе, вторая пара – Б1 традиционная / Б2 новационная;

Основание В – формализованность, прописанность структуры институции в официальных нормах или существование в качестве обычая, третья пара – В1 формализованная / В2 неформализованная.

Всякая институция имеет свою характеристику по каждому основанию, будучи, например, неофициальной неформальной и новационной, что означает её «народное» и местное происхождение, а также её неоформленность (стихийность). Такой подход позволяет оценить управленческую институцию, её административный потенциал. Самый большой административный потенциал у официальных традиционных формальных институций. Всё вышеизложенное можно вынести в таблицу 1. Данный способ классификации институций может быть использован для первичного отбора материала.

Статусы акторов переселения. В целом статус определяется как «со-

Таблица 1. Способ классификации институций

№	Конкретное явление	Основание					
		А источник		Б формализованность		В происхождение	
		официальная	неофициальная	формализованная	неформализованная	традиционная	новационная
			A2	B1	B2	B1	B2
1							
2							

относительное положение индивида или социальной группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков, характерных для данной системы» [15, с. 678]. Статусы переселенцев «защиты» в институции, являющиеся, по сути, нормами. Таким образом, норма является статусообразующим элементом; если учесть, что предварительно наблюдаемыми могут быть только нормы формализованные – такие, как государственные законы, то и точкой отсчёта и поиска статусов переселенцев будут законы тех государств, что располагались на территории Приамурья в изучаемый период.

Безусловно, можно выявить большое разнообразие статусов, однако имеет смысл остановиться на самом факте существования формального статуса у данного переселенца. Таким образом, статус переселенца определяется через отношение к закону и государству на данной территории. Учтывая покровительственную позицию государства к большинству переселенцев в Приамурье, которая есть следствие жёсткой необходимости к наполнению пустующих территорий жителями, можно сказать, что признаваемый государством переселенец имеет право притязать на заботу со стороны государства¹. Иначе говоря, статус переселенца – это возможность актора переселения претендовать на часть социальных благ, положенных «переселенцам». Описать подобную ситуацию можно,

Таблица 2. Классификация формальных статусов переселенцев

основание классификации	класс статуса		
	I	II	III*
Легальность	1	1	0
Легитимность	1	0	0

* Данный класс статусов скорее всего не имеет чёткого описания в нормах и его институализация, по-видимому, может быть означена как неполная. Вместе с тем этот статус присутствует в нормах как таковой: существуют ситуации, когда отсутствие позитивного статуса переселенца влечёт негативное определение статуса – «некто, не могущий считаться переселенцем (легальность – 0), не имеет прав на пособия и др. (легитимность – 0)».

¹ Поощрялись не только переселения из коренных и сибирских территорий в Приамурье, но и перемещения внутри региона – из Амурской области в Приморскую: в 60-е годы XIX века Приморская администрация обеспечивала материальную помощь амурцам, желающим переехать в Южно-Уссурийский край [4, с. 10].

Таблица 3. Пример соотношения функций и ролей переселенцев (на материале XIX века)

категория	значение		
	обязанные	целевые	нецелевые
роли	<ul style="list-style-type: none"> • административный служащий • военнотрудовой • ссыльный и заключённый 	<ul style="list-style-type: none"> • «контрактник» – наёмный работник • казак • крестьянин-переселенец за казённый счёт • русскоподданный кореец 	<ul style="list-style-type: none"> • вольный переселенец, за свой счёт выбирающий место жительства и сферу приложения труда • военный запасник • бывший ссыльнопоселенец

используя два показателя – легальности и легитимности переселенца. Легальность подразумевает статус переселенца как таковой. Легитимность – это наличие льгот, пособий и других имущественных поощрений для данной категории переселенцев. Учитывая, что доступ к поощрениям даёт легальность, возможность легитимности при отсутствии легальности исключена. Таким образом, по отношению к государству и закону можно выявить три класса формальных статусов, см. таблицу 2.

Роли акторов в рамках переселения. Социальная роль – «нормативно одобренный, относительно устойчивый образец поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимый индивидом в зависимости от социального статуса или позиции в обществе» [15, с. 652]. Роли акторов переселения являются результатом институализации их функций, но главное – они есть средство политики государства на данной территории. Частные функции переселенцев, как указывалось в соответствующем разделе, могут быть институализованы и традицией, и государством, из чего следует, что одни и те же роли (или очень близкие по своему содержанию) могут присутствовать в деятельности носителей и формальных, и неформальных статусов. Определение конкретных ролей в связи с функциями представлено в таблице 3.

Очевидно, что все представленные роли имеют формальный статус. Роли, относящиеся к неформальным, там, где они есть, должны быть установлены по возможности. Функциональная группировка ролей имеет своим продолжением наличие своеобразной программы дальнейших действий актора – его частные функции, как носителя данной роли, заранее определены в нормативных актах. Частные функции нецелевых переселенцев обозначены не так жёстко, возможно даже – не обозначены вовсе.

Функцио-статусно-ролевой набор и есть институция. Квинтэссенцией данной конкретной институции, надо полагать, является «функцио-статусно-ролевой набор», условная категория, связывающая воедино все перечисленные элементы схемы. Устанавливая связи в последовательности «функция-статус-роль», мы формулируем инструмент исследования, а в реальности это есть один из объектов управленческой манипуляции. Для установления такой связи ещё раз обратимся к смыслу указанных понятий как модели объекта управления, стремясь упаковать их как можно плотнее.

Функция может быть определена как степень управляемости пере-

селенца. Статус как отношение к закону может интерпретироваться как степень видимости актора для власти – неформальные переселенцы могут оказаться вообще вне сферы видимости власти¹. Роль, будучи образом поведения, может быть упакована как степень предсказуемости. Получается, что с точки зрения управления отдельный переселенец может определяться как: а) высоко/низко управляемый объект, б) существующий/несуществующий для разных структур управления (администрация, полиция, казна), в) описываемый условной формулой – образом его действий.

Таким образом, манипулирование «функцио-статусно-ролевыми наборами» переселенцев, которые и есть институты, – это один из аспектов управления переселением.

Немаловажной составляющей исследования является изучение неформальных самоорганизующихся колонизационных структур. Следует помнить о том, что обе линии – организованная и стихийная – колонизации тесно соседствуют и пересекаются в отдельно взятых людях.

Организация переселения. Организация является способом связи акторов, связи институций, в рамках организации взаимодействуют носители как одинаковых, так и разных функций: «Организация как устойчивая система отношений между субъектами, выполняющими различные функции в процессе достижения общей цели, связывает воедино различные институты и институты, устанавливая их координацию и субординацию и осуществляясь в то же время на их основе» [12, с. 44]. Координация и субординация – инструменты организации, эти механизмы работают на разных уровнях.

Субординация работает с функциональными и статусными единицами, что означает существование иерархии в среде носителей функций и статусов переселения. Принцип выстраивания иерархии – интересы власти в отношении переселенцев на фоне колонизации. Интересы же власти вполне очевидны: лояльное, деятельное, управляемое население. Таким образом, иерархия переселенцев на самом верху будет иметь наиболее послушных и управляемых, их нужды и требования будут удовлетворяться, насколько это будет возможно².

Координация как инструмент организации переселения, и шире – колонизации, упорядочивает ролевые единицы. Упорядочение происходит посредством распределения прав и обязанностей, привязываемых к определённой роли. Однако, если иерархия строится исходя из разного объёма прав, то горизонтальная координация – на базе специфики прав. Таким образом выстраивается сеть комплементарных по своим правам акторов, совместно решающих задачи переселения, заселения, колонизации.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что организация переселения – это объём и распределение прав и обязанностей, связанных с агентами институций переселения. Отсюда: управление организацией – это содержательное изменение прав и обязанностей, а также изменение их распределения в управляемой среде. В рамках организации агенты институций занимают социальные позиции согласно специфике прав, заложенных в соответствующие им институты, между ними вы-

¹ Можно указать на примеры, когда самовольные переселенцы целыми селениями некоторое время жили и хозяйствовались, не будучи известными местной власти, а значит не несли никакой ответственности перед государством и не являлись объектом государственного учёта [2, с. 126-127].

² Существует пример на опыте Приморской области конца XIX века, когда, по мысли чиновников областного правления, единственной категорией населения, бесспорно имеющей право на землю, были крестьяне [2, с. 130]. Безусловно, фактор использования политических и иных рычагов для управления потоками благ никто не отменяет – так было, например, с верхушкой казачества в досоветское время [16, с. 69].

страиваются отношения, конституируемые иерархией и комплементарностью наборов прав и обязанностей.

Институт переселения. «Институты есть социальные формы структур, закрепляющих и воспроизводящих институции, или функционально специфицированные модели общественных организаций» [22, с. 71]. Собственно говоря, системная функция института переселения (как элемента социального порядка) – создание комфортной среды для реализации функций переселенческих институций: «институт выступает как функциональная организация, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций» [12, с. 44]. Развёрнутое определение социального института можно увидеть в одной из работ А.А. Давыдова [7, с. 73]: «...иерархическая гетерогенная, распределенная социальная подсистема, созданная людьми для удовлетворения общей потребности...». Это определение и некоторые, пригодные для предмета нашего исследования, характеристики и возмём для описания и анализа института переселения.

«Значимость социальной подсистемы среди других социальных подсистем определяется остротой общественной потребности» [7, с. 75]: принцип значимости. Этот принцип историчен, поскольку предполагает изменчивость значимости института в связи с динамикой общественной потребности¹. Основная мысль, заложенная в основу принципа значимости – функциональность института в целом, его роль в удовлетворении общей потребности. Принцип целенаправленности [7, с. 73] описывает ориентированность института на решение определённых задач². Принцип гетерогенности [7, с. 73] раскрывает существование в рамках института локальных разнородных подсистем. Локальность надо понимать не в пространственном, а в логическом смысле – то есть составляющие института чётко выражены и характеризуются разными чертами, не пересекаясь в значениях. В нашем случае институт включает некий круг институций, а значит он вполне гетерогенен. Принцип распределённости [7, с. 73] характеризует специализацию подсистем института на решении определённых, локальных задач. Таковыми подсистемами являются институции: одно из измерений организации задаётся разницей в правах и обязанностях агентов институций. Принцип иерархии [7, с. 73] раскрывает неравенство подсистем института и складывание несимметричных отношений в рамках организации. Иерархичность тоже предусмотрена организацией, а потому уже встроена в разрабатываемую схему исследования. Принцип устойчивости [7, с. 73] можно определить следующим образом – сохранение связей между подсистемами, сохранение характеристик самих подсистем «с течением времени и при внешних воздействиях». Принцип продуктивности [7, с. 73] есть дополнение целенаправленности – делает целенаправленность целедостижением. Продуктивность – это синоним эффективности системы, эффективности института. Продуктивность института переселения – способность реализации поставленных целей переселения. Принцип взаимодействия [7, с. 73] раскрывает «координацию и субординацию локальных подсистем между собой и с другими подсистемами, влияние одной подсистемы на другие подсистемы». Данный принцип частично пересекается с принци-

¹ Хорошо прослеживается связь переселенческой политики в Приамурье со внешне-политической обстановкой; бюджетные ассигнования на переселения конца 50-х и начала 80-х годов XIX в. связаны в первом случае со второй опиумной войной, а значит с существенной военной угрозой Приамурью от недавних врагов – англичан и французов, во втором случае – военная опасность от самого Китая на рубеже 70 – 80-х годов XIX в. в связи со спором на западном, центральноазиатском, участке русско-китайской границы [11, с. 117].

² В разное время институт переселения решал круг задач, общих для переселенчества как такового и особых для данного конкретного периода [5].

пами гетерогенности, распределённости и иерархии. Собственное содержание – значимость существования «других» подсистем, комплементарность подсистем данного института.

Данный набор характеристик института позволяет выстроить логику его описания и анализа: роль переселения; его цели; результаты; внутренняя структура; интерпретация порядка этой структуры; функциональность подсистем; комплементарность подсистем; сохранение связей и специфики подсистем. Итак, если организация связывает институции на основе общей цели, то институт (как соответствие более высокого уровня) – на основе сходных функций, он обеспечивает специфические связи, формируя, таким образом, особую область общественных отношений, как указывал Давыдов – подсистему социальной системы.

Органы переселения. Орган определяется теоретиком как «структурированная институция, обеспечивающая функционирование и развитие организации» [12, с. 44], то есть орган несёт в себе функции управления и координации организации. В качестве органа переселения может быть обозначена, например, переселенческая община, но с оговоркой – переселенческая община в том случае, когда она занимает в вопросах переселения активную роль, неся в себе черты субъекта политики¹. Поскольку орган есть свидетельство высокого уровня развития данной области общественных отношений, не всякое переселение, по видимому, будет иметь орган. Причём дело здесь может быть во вмешательстве неких сил, например – государства, выступающего субъектом переселенческой политики и не терпящее иных субъектов. Можно предположить, что вольное переселение в действительности располагает органом, а управляемое нет (по указанной причине – политической значимости государства на колонизируемой территории, не терпящего конкуренции со стороны иных организационных форм).

Особенностью переселения как исторического явления следует назвать его текучесть, отсутствие постоянного (а значит – имеющего возможность к самоорганизации) состава переселенцев. В подавляющем числе случаев переселение осуществляется разово или в определённый отрезок времени. «Перманентное переселение» отсутствует в связи с определением переселения как смены места постоянного жительства [19]. Постоянная смена акторов мешает выстраиванию правильных органов переселения, хотя, напомню, уже существующие социальные органы переселенцев могут нести и специфическую переселенческую нагрузку.

Представленная схема исследования позволяет увидеть механизм управления переселением как манипуляцию наборами прав и обязанностей акторов переселения. Само же переселение выступает как сеть полномочий и претензий (обеспеченных и необеспеченных полномочиями) на ресурсы. Что позволяет выявить такой подход? Во-первых, «вооружает» историческое исследование методами смежных социальных дисциплин, в данном случае – социологии, а в перспективе и экономики, снабжает инструментами для детального анализа социальной структуры переселения, положения отдельных групп переселенцев, взаимодействия этих групп, связи их с государством – интенсивности и качественной специфики. Во-вторых, позволяет увидеть переселение как целостное социально-политическое явление. Учёт изменений задач

¹ Для выявления и изучения органов переселения имеет большое значение специфика той социальной группы, выходцы из которой попадают в фокус исследования. В случае, если речь идёт о таких традиционных для русской колонизации группах населения, как крестьяне или промысловики, то есть и смысл говорить о каких-либо традиционных формах организации переселяющихся (крестьянские общины, промысловые артели и т. п.). В случае же, когда речь идёт об относительно новых социальных группах-поставщиках переселенцев, например – промышленные рабочие на рубеже XIX – XX вв., то говорить об их переселенческих объединениях трудно [6, с. 148-150].

переселения от эпохи к эпохе даёт возможность оценить структуру переселения, степень её изменчивости и управляемости. В-третьих, такое видение переселения даёт возможность оценки переселенческой политики, сравнить эффективность управляемого и вольного переселения.

Литература

1. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Выпуск 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX – XX веков / Отв. ред. П.А. Минакир. – Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с.
2. Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 с.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А – О). М.: Вече, АСТ, 1999. 544 с.
4. Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. СПб.: б. и., 1896.
5. Гамарник Я.Б. Советская колонизация Д. В. О. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 9. С. 3-8.
6. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. 200 с.
7. Давыдов А.А. Системная социология. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 192 с.
8. Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
9. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 года и краткий обзор ее Трудов//Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 3. С. 7-28.
10. Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С. Управление колонизацией Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв.: очерк историографии // Вестник Морского государственного университета. Вып. XX. Серия: Общественные науки. Владивосток: Мор. гос. ун-т им. адм. Г.И. Невельского, 2009. 104 с. С. 65-72.
11. Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С. Принципы реализации колонизационной политики правительства в Приморской области рубежа XIX – XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3. С. 112-120.
12. Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 42-51.
13. Кабанов П.И. Амурский вопрос. – Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1959. 255 с.
14. Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. 479 с.
15. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
16. Осипов Ю. Н., Сергеев О. И. Сельскохозяйственное освоение Приамурья И Приморья во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма: Сб. науч. тр. / Под общ. ред А.И. Крушанова. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. 156 с. С. 68-80.
17. Павенкова М. В. Налоговая система как институт социального управления. Дисс. ... канд. социологич. наук. СПб., 2001. 170 с.
18. Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск: Изд-во ХГПИУ, 2003. 214 с.
19. Рыбаковский Л.Л. Сущность и понятие «миграция населения» [Электронный документ] // Библиотека РГИУ (Российского

государственного интернет-университета) URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/ribakovskiy_prakticheskaja/05.aspx [Дата обращения 18.07.2011].

20. Рыкунова Г.А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50 – 60-е годы в XIX в. // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф.: в 3-х вып. Вып. 2: Формирование населения и культурное освоение восточных районов Дальнего Востока России, международное сотрудничество в регионе. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН. 202 с. С. 41-43.

21. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920 – 1950-е г. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.

22. Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 854 с.